

УДК 248.2

ПРАКТИКИ МОЛЧАНИЯ И ИХ ОЦЕНКА СО СТОРОНЫ ТРАДИЦИОННЫХ И НЕТРАДИЦИОННЫХ ЦЕРКОВНЫХ ИНСТИТУЦИЙ

Сергеева Г.А.

ФГБОУ ВПО «Владивостокский государственный университет экономики и сервиса», Владивосток, Россия (690014, Владивосток, ул. Гоголя, 41), e-mail: galina.sergeeva@vvsu.ru

В статье рассматривается значение тишины и уединения в контексте информационной перегрузки, влияние и цель практик молчания. Требуется время, чтобы, освободившись на время от шумового потока, дать внутри себя возможность говорить своему слову. Не случайно в настоящее время стали популярны практики ритритов, випассаны, пустыни, предлагаемые в различных религиозных традициях, особенным интересом данные курсы пользуются среди выходцев из Европы, США и русскоязычных стран. В статье рассмотрено отношение со стороны церковных институтов и религиозных организаций к практикам молчания, поскольку церкви как организации требуется регулировать духовную жизнь своих адептов. Также автор обозначает различия между рождением собственного слова изнутри Я и заменой одной информации другой. В данной работе рассматривается конструктивное и деструктивное влияние указанных практик. Также в работе описаны формы, которые принимают практики молчания в различных религиозных течениях.

Ключевые слова: практики молчания, тишина, уединение, реколлекции, пустыня, випассана, мировые религии, институт церкви.

PRACTICES OF SILENCE AND IT'S APPRAISAL BY TRADITIONAL AND UNTRADITIONAL CHURCH INSTITUTES

Sergeeva G.A.

Vladivostok State University of Economics and Service, Vladivostok, Russia (690014, Vladivostok, Gogolya str., 41), e-mail: galina.sergeeva@vvsu.ru

In this article significance of silence and solitude in the context of informational overload, influence and goal of silence practices are considered. Time to become free from noise flow, to have an ability to talk to yourself is required. So in present time practices of retreats, vipassanas, pyustinas, which are offered and various religious traditions, become popular not by accident, such courses are claimed by citizens of Europe, US and russian speaking countries. In the article relationship between church institute, religious organizations and practices of silence is presented, as church like any organization demands regulation of spiritual life of its followers. Also author shows an difference between appearance of the word from within of yourself and replacement of one information by an other. This paper presents constructive and destructive influence of such practices. Descriptions of forms, which practices of silence takes in different religious movements also presented here.

Keyword: practices of silence, pyustunyya, recollections, vipassana, world religions, church institutes.

Не умножай слов, ибо многословие удалит от тебя Духа Божия.

Антоний Великий

Современный мир и переизбыток информации, шумовой хаос, информационная перегрузка и темп жизни – понятия, ставшие неразделимыми. В ситуации, когда мир всё более переполнен чужими смыслами [1] и навязывает необходимость постоянно быть включённым в бесконечный поток информации, что стало обыденностью для жителей больших городов, всё более актуальной становится тема поиска своего слова, проистекающего из собственного Я. Зачастую подобный опыт, который является производным от времени, проведённого в уединении и молчании, можно пережить в какой-

либо из религиозных традиций. Всё чаще при буддийских, католических, неоиндуистских монастырях и ашрамах организуются курсы випассаны, реколлекций иритритов, куда могут прийти как монахи, священники, так и люди без сана. Особое внимание на себя обращает то, что подобные практики становятся всё более популярны: за последние 3–5 лет существенно увеличилось количество организаций и сайтов, предлагающих проведение ритритов как в России, так и за рубежом. В странах Юго-Восточной Азии (далее – ЮВА) почти любой монастырь и ашрам предоставляет возможность пребывания в уединении для местных жителей и иностранцев. Необходимо отметить, что ритриты и випассаны пользуются большой популярностью среди русскоязычного населения, более того, в некоторых монастырях ЮВА несколько раз в год целенаправленно проводятся курсы на русском языке. Тем не менее отношение к практикам молчания со стороны церковных институтов и религиозных организаций не всегда положительное. Рассмотрение отношения религиозных структур к практикам молчания и опыту, получаемому в моменты уединения, является целью данной статьи. К сожалению, не представляется возможным остановиться более подробно на формах практик молчания в каждой из ветвей мировых и нетрадиционных религий ввиду ограниченного объёма статьи. Тем не менее будут рассмотрены формы уединения, обозначено конструктивное и деструктивное влияние практик молчания, раскрыта разница между заменой одной информации другой и возможностью рождения собственного слова.

Следует различать молчание, уединение, немоту и безмолвие [5]. Практики молчания – по крайней мере, внешнего, в той или иной степени присутствуют в любой религии. Тем не менее следует различать уединение и культивирование тишины с целью молитвы за весь мир, как происходит в монашеских орденах христианства, буддизма, тарикатах ислама. Однако есть и религиозные течения – в основном неопротестантской и неоиндуистской направленности, в которых практики молчания связаны с подменой одной информации другой, хотя внешне это подаётся как созерцание, концентрация или молитва. Поскольку вытеснение внутренней речи человека заданными словами не является молчанием по существу, хоть и выглядит так внешне, нельзя считать их в полной мере практиками молчания: в данном случае внешний диалог переводится в форму внутреннего монолога [6]. Практики музыкальных повторений имён Бога, произносимые вслух или про себя в иудаизме, вайшнализме молчанием не являются, поскольку вытесняя внутреннюю речь человека, не способствуют рождению собственного слова человека изнутри его Я. Тем не менее данный этап можно считать первым на пути рождения собственного слова, проблема в том, что в указанных течениях не ставится такой цели в культовых практиках. Практики концентрации и медитации в буддизме, даосизме – внутренняя алхимия, а также

реколлекции католицизма задают тематику размышления. Большим контрастом на фоне указанных практик выглядит буддийский метод випассаны, направленный на первом этапе на осознание себя по принципу: «Слышу-чувствую, существую», а затем концентрации на своей глубиной природе. Тарикаты – суфийские монашеские ордена в большей степени, чем христианские направлены на раскрытие глубинной природы человека.

Наиболее явная, но не самая распространённая форма практик молчания в православии и ламаизме – затвор, в индуизме и буддизме чаще встречающаяся в виде полного отшельничества. Затворниками становились в основном в монастырях, отшельниками – за их пределами, в отдельно стоящих скитах. Обычно связь с находящимися в затворе поддерживалась раз в 3 дня; те, кто находились в скиту, раз в неделю участвовали в литургии. Тем не менее не обязательно внешняя форма молчания и уединения связана исключительно со скитом и затвором. В православии подобные практики приобретали формы странничества, юродства, пустынночества – в основном распространённые до 1917 г. Нельзя сказать, что указанные формы не могли перетекать друг в друга, грань между ними не всегда определима, поскольку странниками могли быть и юродивые, которые затем могли поселиться в доме на краю деревни как пустынники. Здесь идея молчаливности сходит с идеей мирского апостолата, распространённого в католичестве. Екатерина Дохерти, которая ввела в католическую практику понятие пустыни – идею, позаимствованную из православия, так описывает процесс поиска пустыни в дореволюционной России: «Странник отправлялся в паломничество к святому месту и молился о том, чтобы Господь определил ему место для пустыни. Или же будущий пустынный странствовал в молитве, пока сам не находил подходящее место... И, наконец, были ещё и странники, которые постоянно путешествовали по России. Нося пустыню в своём сердце, они ночевали под деревьями, в стогах – там, где им позволяли. Это были бедные люди, просившие милостыню, но при этом постоянно молившиеся за весь мир» [2].

Несмотря на то, что из всех мировых религий в буддизме наиболее распространены практики обращения к себе, именно христианство и ислам вследствие практик молчания в большей степени ориентируют своих адептов на служение обществу. В целом можно сказать, что чем более устоявшейся является религия, тем более конструктивны её практики. В большинстве новых религиозных движений, появившихся в последние десятилетия XX века, культовые практики направлены на закрепление членов в данной организации [6].

Практики молчания несут конструктивный смысл в случае, если дают человеку возможность прийти в соприкосновение со своими истинными желаниями, помочь раскрыть ему лучшие качества, чтобы, выполнив цели своей жизни, стать максимально полезным людям, востребованным и реализованным. Т. Мертон – монах католического траппистского

ордена считал, что созерцание и действие с любовью к ближним – две стороны любви к Богу: «Созерцание и действие становятся теперь одним целым, единой жизнью, двумя сторонами одного и того же. Действие – это любовь, направленная вовне, к другим людям, а созерцание – любовь, обращённая внутрь, к её Божественному источнику» [4].

При этом вызывает вопрос отношение церкви как института к практикам молчания: любая организация вынуждена контролировать своих адептов. Общение с Богом в идеале осуществляется через посредников, молитвы регламентизированы, определён список канонической литературы. Киновийное житие в свою очередь подчинено уставу: церковь как институт не может позволить людям уходить внутрь себя. В данном случае церковь выступает как любая организация, в подчинении которой оказывается большое количество людей: для упорядочивания отношений культ приходится регламентизировать, а веру – иерархизировать.

Очевидно, что для православия явилось неизбежным появление либерального крыла священников, представленного о. Петром (Мещериновым), митрополитом А. Сурожским, протоиереем А. Шмеманом. Они утверждают, что должен быть компромисс между предлагаемым, зачастую навязываемым канонам обязательных к прочтению молитвенных правил и тем, что человек чувствует изнутри. Нужно дать возможность Богу говорить в молчании сердца, ибо Слово есть Бог, и Он проявляется не только через написанное Слово, но и звучащее в глубине собственного сердца. Молитва – не самоцель, а средство для восстановления опоры в себе, нахождения душевных сил, чтобы после окончания молитвенного времени человек мог встать и действовать, тратя полученные силы на осуществление того, что он должен делать.

Внутреннее созерцание и внешнее действие, казалось бы, никак не связаны напрямую, однако это не так. Основательница Дома Мадонны в США и Канаде, католичка, глубоко интересующаяся духовным наследием православия, апологет идеи мирского апостолата Екатерина де Гук-Дохерти писала: «...если я касаюсь Бога, я должна коснуться человека. Я не могу молиться, если я не служу своему брату. Я не могу молиться Богу, воплотившемуся в человека, когда мой брат в нужде. Это невозможно, иначе я уподобилась бы священнику или левиту, которые прошли мимо человека, избитого грабителями, что совершенно недопустимо» [3].

В случае если молчание, культивируемое в той или иной религиозной традиции, приводит человека к избыточной концентрации на своих слабых сторонах характера, негативных чертах и не даёт возможности развиваться, есть смысл говорить о деструктивном влиянии в данном религиозном течении. К примеру, избыточные категории греха, вины, смирения, отсечения воли, полагания на церковного лидера или духовное лицо не

способствуют развитию, укреплению настойчивости, целеустремлённости, лишают человека возможности критического осмысления и анализа событий своей жизни. Пропадает ощущение самостоятельности, возможности человека что-либо решать в своей жизни и жизни близких людей. В данном случае не говорится о том, чтобы отсечь полагание на высшие силы и приведение поступков в соответствие с нормами церковной и общечеловеческой морали, а о том, что человек настолько передает возможность управления событиями своей жизни религиозной структуре, что её директивность начинает распространяться как на самые обыденные, так и самые важные решения в жизни человека. Более того, человек теряет возможность критического осмысления событий, тем более что в некоторых религиозных течениях подобная склонность осознанно нивелируется [3].

В настоящее время есть разрозненные сведения об отшельниках, выбравших добровольное уединение в рамках православия, сведения же о затворниках и схимниках не разглашаются. На вопросы об анахоретстве и затворничестве священнослужителями даются уклончивые ответы или однозначное: «Нет», или: «Еслии есть, то об этом не скажут». Молитвенный подвиг и уединённая жизнь скрыты от любопытствующих глаз.

Виды уединения, над которыми церковь как институт властна в меньшей степени – это отшельничество, странничество, пустынночество, затворничество. Те, кто хочет слышать Бога внутри, будучи в монастыре, уходят в скит, в повседневной жизни посещают курсы випассаны либо ритритов.

В рамках данной статьи невозможно рассмотреть все формы, которые приобретают практики молчания во всём многообразии религиозной жизни. Более подробное рассмотрение отношения церковных институтов к практикам молчания не только в традиционных религиях, но и в новых религиозных движениях является перспективой дальнейшей работы.

Список литературы

1. Бодрийар Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / Ж. Бодрийар. – М.: Культурная революция; Республика, 2006. – 269 с.
2. Де Гук Дохерти, Е. Пустыня / Е. де Гук Дохерти. – Магадан: Магаданское кн. изд-во, 1994. – 160 с. – С. 24-33.
3. Кнорре Б.К. Православие в России и 20-летнее испытание свободой: о подменах церковной жизни в откровенном разговоре игумена Петра (Мещеринова) // Б.К. Кнорре. [Электронный ресурс]. – URL: <http://kiev-orthodox.org/site/churchlife/1924/>

4. Мертон Т. Одинокие думы / Т. Мертон. – М.: Издательство францисканцев, 2003. – 128 с. – С. 119.
5. Михайлова М.В. Эстетика молчания: Молчание как апофатическая форма духовного опыта / М.В. Михайлова. – М.: Никея, 2011. – 320 с.
6. Хассен С. Освобождение от психологического насилия. / С. Хассен. – СПб.: Прайм-Еврознак, 2003. – 400 с.

Рецензенты:

Ячин С.Е., д.филол.н., профессор, заведующий кафедрой философии Школы гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток.

Кирсанова Л.И., д.филол.н., профессор кафедры философии и психологии Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, г. Владивосток.